

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 30-Е ГГ. XX В. ПО ПРОБЛЕМАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.И. ДУДКА¹
Е.А. АНТОНОВ²

*Белгородский
государственный
университет*

¹ e-mail: dudka@bsu.edu.ru

В статье рассматривается вопрос о влиянии общественного мнения Великобритании, ведущих политических партий и движений на изменение приоритетов британской внешней политики в 30-е гг. XX в., накануне II мировой войны.

Ключевые слова: партии, Великобритания, внешняя политика.

Британские политические и общественные деятели гордились многовековыми традициями своей страны и устойчивостью ее социально-политических и экономических институтов. Сложившийся тип политической культуры, присущая им специфика мышления диктовали выработку внешнеполитической стратегии страны, задачей которой была защита всего комплекса национальных традиций и ценностей в 20-30-е гг. XX в.

Правящие политики Великобритании взяли на вооружение тактику противостояния чрезмерному укреплению любого из соперничающих государств, что полностью отвечало их желанию сохранить за собой традиционную позицию арбитра на европейском континенте.

После окончания Первой мировой войны Британская империя значительно увеличила свои возможности, получив под контроль более половины подмандатных Лиге наций территорий. Как отмечали руководители британского Форин оффис, Англия получила все, чего только желала, и теперь «единственная цель состоит в том, чтобы удержать то, чем мы располагаем, и жить в мире»¹. Этот тезис лег в основу британской внешнеполитической доктрины 20 – первой половины 30-х гг. Однако далеко не всегда мнения политиков о приоритетности задач, силах и средствах, которые следовало использовать для их реализации, совпадали.

С одной стороны, британские политики прилагали усилия для сохранения целостности сложного организма Содружества наций, объединявшего метрополию, колонии и подмандатные территории. Это прослеживается в решениях имперских конференций 20-х гг., подтверждается Вестминстерским статусом 1931 г., по которому метрополия и доминионы признавались «ни в каком отношении не подчиненными одно другому в каком бы то ни было аспекте их внутренних и внешних дел, хотя и объединялись общим подданством короне и свободно соединялись в качестве членов Британского Содружества наций»². С другой стороны, официальный Лондон, декларируя свою приверженность былому единству, в действительности заботился об упрочении собственных позиций. Однако в начале 30-х гг. Британская империя как единый организм фактически уже перестала существовать³. Провозглашая задачу сохранения имперского единства, британские правящие круги скорее стремились обезопасить собственные интересы и не допустить неконтролируемого развития событий на территории Содружества, прибегая к испытанным тезисам о «советской угрозе». Однако надуманность подобных построений нередко опровергали сами британские высокопоставленные чиновники. Министр по делам Индии В. Бенн в ответ

¹ Endicott S.L. *Diplomacy and enterprise: British China Policy.1933-1937.* Manch-Vancouver, 1975. P. 52.

² Baldwin S. *Service of Our Lives.* L., 1937. P. 26.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 69. Оп. 18. Д. 34. Л.120.

на развернутую в газетах шумную кампанию по поводу участия советских агентов в революционных выступлениях в Индии, категорически заявлял: «...По имеющимся сведениям участие коминтерновских агентов в выступлениях в Индии не отмечено»⁴. В Комитете имперской обороны, ведавшем вопросами безопасности Содружества, в конце указанного десятилетия вероятность нападения на Афганистан признавалась возможной, на Индию – маловероятной, о советской же угрозе английским азиатским колониям как о реальности, перестали говорить вовсе⁵.

Необходимость одновременного решения различных внешнеполитических задач заставляла британских политиков увязывать их между собой. До начала десятилетия британские правящие круги не видели прямой угрозы Англии с континента, в свою очередь, стремясь избежать вовлечения в любой конфликт, и европейский – в первую очередь. Глава британского правительства С. Болдуин, выступая в 1935 г. на сессии Лиги наций, обратил внимание на опасность для мирового сообщества любого европейского конфликта, что свидетельствовало об осознании британскими политиками необходимости сохранения всеобщего мира и недопущения возникновения нового конфликта⁶.

В рамки внешнеполитической концепции Великобритании вполне укладывалось устойчиво-негативное отношение англичан к войне, поскольку она ориентировалась на сохранение стабильности и мирного развития континента, как главного условия существования собственной страны и мирового сообщества в целом.

На формирование внешнеполитической концепции Великобритании оказала огромное воздействие, как утверждает английский историк Е. Рансон, «горькая память о Первой мировой войне с ее ужасными списками потерь и убеждение в том, что предвоенные переговоры с Францией втянули Великобританию в войну, которая вовсе не соответствовала ее интересам»⁷. В обществе широко распространилось мнение о потерянном поколении, поскольку была утрачена ее наиболее жизнеспособная часть, в первую очередь – интеллектуальная элита. Все это ярко описано в произведениях Голсуорси, Шоу, Олдингтона и других авторов⁸. С этого времени осуждение войны во всех ее проявлениях, дополненное желанием не допустить возможного кровопролития, стало едва ли не доминирующим мотивом в настроении общества, что позволяет объяснить причины ряда предпринимавшихся политиками шагов.

Существенным фактором внутриполитической жизни страны в начале 30-х гг. стал британский пацифизм. Антивоенные убеждения общества, выраженные в весьма действенной форме, наряду с другими обстоятельствами, отодвинули признание британскими стратегами приоритета обороны страны над социальными программами. На пацифистских воззрениях основывалась в значительной степени вера англичан в действенность Лиги наций. Убежденным пацифистом был возглавлявший в 1932–35 гг. одну из самых многочисленных и влиятельных британских партий – лейбористскую – Дж. Лансбери. Хотя официально партия никогда не занимала пацифистской позиции, идея создания международной организации, способной предотвратить новое кровопролитие, вполне отвечала убеждениям большинства лейбористов, особенно после вступления СССР в Лигу наций, в которой они видели реальную силу, способную противодействовать агрессии.

На наш взгляд, морально-этические убеждения англичан были не последним фактором, оказывавшим существенное влияние на формирование британской внешнеполитической концепции рассматриваемого периода.

Как показал анализ документов и материалов, германский вопрос пронизывал практически весь комплекс императивов британской внешней политики 30-х гг. Он был

⁴ АВП РФ. Ф.69. Оп. 18. Д.34. Л.120.

⁵ АВП РФ. Ф.69. Оп. 19. Д.23. Л.207.

⁶ АВП РФ. Ф.069. Оп. 19. Д.23. Л.201.

⁷ Аникин Г.В. Современный английский роман. Свердловск, 1971. С. 348.

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. С. 35–36.

порожден Версальско-Вашингтонской системой, к созданию и сохранению которой английские правящие круги, как известно, имели самое непосредственное отношение.

В этих условиях на победителей легла ответственность за проведение более дальновидной политики. Как считал один из влиятельных британских политиков У. Черчилль, она должна была быть одновременно гибкой: «Во-первых, оставаясь сами достаточно хорошо вооруженными, они должны с неустанной бдительностью и твердостью проводить в жизнь статьи мирного договора, запрещающие возрождение мощи своего недавнего противника. Во-вторых, они должны сделать все, чтобы примирить побежденный народ с его участью, помогая своими благожелательными действиями побежденной стране достигнуть максимального благоденствия, а также всеми средствами стремиться заложить фундамент подлинной дружбы и общности интересов, дабы все меньше оставалось побудительных мотивов вновь обращаться к силе оружия»⁹.

Общие тенденции развития европейской ситуации в 20-е гг., усугубленные мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг., логично привели к появлению на политической сцене континента фашизма. Постепенное усиление национал-социализма в Германии и фашизма в Италии в начале 30-х гг., противостоящих как западному либерализму, так и советскому коммунизму, заключало в себе прямую угрозу европейской стабильности. Идеологическое и политическое противоборство европейских держав в определенной мере переносилось на британский политический лагерь.

Британские правительственные круги в рассматриваемый период предпочитали улаживать противоречия с фашистскими государствами путем соглашений, как за счет ревизии Версальской системы, так и за счет третьих стран. Уже на ранней стадии фашистской экспансии британское правительство предпринимало усилия по достижению подобной договоренности с Муссолини и Гитлером. Однако, как писала в октябре 1935 г. «Таймс», к лету – осени того же года мнение англичан в отношении фашистских режимов значительно изменилось и приобрело устойчиво негативную окраску¹⁰.

Пытаясь сохранить за собой роль арбитра в европейских спорах, демонстрируя «блеск власти, особенно в области морского могущества» и поддерживая ложное представление о собственной безопасности, Великобритания в 30-е гг. последовательно утрачивала влияние на континенте. «В то время как Германия активно перевооружалась, Великобритания бездействовала», – констатировали авторы коллективного труда «Британская империя как супердержава...»¹¹ Противодействие оппозиции перевооружению в стране было весьма ощутимым.

Одним из наиболее приемлемых подходов к решению проблем безопасности страны могло стать принятие британским правительством в качестве альтернативы перевооружению коллективной безопасности посредством Лиги наций, однако британские политики трактовали ее своеобразно. Среди политических деятелей, в первую очередь, из консервативного лагеря, существовало опасение ощутимого роста расходов на перевооружение при одновременном сокращении социальных программ. Между тем, преимущества в области вооружений и совершенствования приемов ведения войны, которыми обладала Великобритания в начале 30-х гг., переставали действовать в последующие годы. Однако, уже в 20-е гг. приобретало популярность в широких политических кругах мнения о Лиге как организации, обладающей исключительными возможностями для консультаций и развития международного общественного мнения, одновременно считая механизм устава гарантий от агрессии странам, подписавшим Устав, «не только не имеющим значения, но, безусловно, опасным»¹².

⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. С.27.

¹⁰ The Baldwin age. L., 1970. P.90.

¹¹ Hathorn-Hardy G. A Short History of International Affairs 1920-1939. L., 1950. 339 p.

¹² АВП РФ. Ф.69. Оп. 23. Д.3. Л.217.

Выступая 11 марта 1935 г. в палате общин в прениях по вопросу о военных расходах, консерватор Н. Чемберлен подчеркнул, что роль Лиги наций в организации системы коллективной безопасности могла быть весьма значимой при возникновении случайной войны. В случае иного характера войны, когда страна могла ее начать для удовлетворения каких-либо территориальных притязаний или из соображений национальной мести, позиции британского правительства были бы весьма уязвимыми¹³. Подобный подход свидетельствовал о росте озабоченности в обществе в связи с усилением реваншистских тенденций как в Европе, так и мире.

Не стоит упускать из внимания и так называемый «азиатский фактор»: рост агрессивности Японии в конце 20 – начале 30-х гг. создавал непосредственную угрозу британским имперским интересам в Азии, отвлекая определенные силы и средства.

Однако устойчивый антикоммунизм британских деятелей зачастую доминировал над пацифистскими убеждениями и здравым смыслом. Так консерватор У. Черчилль выступил против вмешательства Лиги наций в японо-китайский конфликт: «У Лиги много работы в Европе», а ее отношение к Японии «должно быть хорошо взвешенным, поскольку проблемы Китая необходимо оценивать сквозь призму его соседства с СССР». Аналогичные мысли высказал парламентарий-лейборист Дж. Лансбери, заявивший, что «было бы хорошо, если Россия и Япония займутся друг другом на Дальнем Востоке, и тогда будет легче иметь дело с коммунистами в Европе»¹⁴. Подобное мнение можно расценивать в качестве еще одного аргумента в пользу признания приоритета британских интересов в политической деятельности надо всеми прочими, поскольку эта точка зрения принадлежала одному из лидеров влиятельной партии.

О наличии значительного числа депутатов, не поддерживавших официальную политику правительства в отношении Японии и Китая (ее активным сторонником был британский министр иностранных дел Дж. Саймон), свидетельствует полемика в парламенте, развернувшаяся 30 апреля 1934 г. Она была вызвана заявлением начальника информационного бюро МИД Японии о международной помощи Китаю и готовности его страны решительно препятствовать любому вмешательству в конфликт извне¹⁵. Влиятельный политический деятель лорд Р. Сессиль заметил по этому поводу, что японцы в своих действиях «идут все дальше и дальше... и скоро будут делать все, что захотят. Если Великобритания не займет более решительную позицию, то это приведет к тому, что Япония станет доминирующей силой в Китае, а затем и в Азии», со всеми вытекающими отсюда последствиями «для Англии, Лиги наций и всего мира»¹⁶. В этом мнении отразился подход наиболее реалистически мыслящей части британского общества, выступавшей за активное противодействие японской агрессии в Китае.

Отношение англичан к фашизму претерпело известную эволюцию, что также испытало воздействие общественного мнения. Восприятие в Великобритании фашистского режима в Италии первоначально существенно отличалось от восприятия германского. Итальянский фашизм в целом оценивался положительно, считался «итальянским режимом для итальянцев» и «продуктом итальянского мышления». Это мнение было превалирующим в британских политических кругах до конца 1933 г.¹⁷ Выдвинув свои дивизии к границе Австрии в 1934 г., Муссолини спас ее от аншлюса, подтвердив убеждение англичан в несовпадении интересов и целей германского и итальянского лидеров. Однако нападение Италии на Абиссинию в 1935 г. кардинально изменило восприятие режима дуче британским обществом и политиками.

¹³ The Times. 11.18.1933.

¹⁴ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. London. Vol. 289. P. 13-14.

¹⁵ Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. 2-nd Ser. Vol. 9. P. 368.

¹⁶ АВП РФ. Ф.69. Оп. 17. Д.5. Л.1; The Times. 11.2.1933.

¹⁷ АВП РФ. Ф.69. Оп. 17. Д.17. Л.15.

Таким образом, изменение приоритетов британской политики в начале 30-х гг. произошло под влиянием различных факторов (отмена «Десятилетнего правила» военного планирования, неудачи Женевской конференции по разоружению, усиление реваншистских тенденций в Европе, рост японской угрозы и др.), а также под воздействием общественного мнения страны и внутривнутриполитической борьбы, в которой участвовали ведущие политические партии и движения страны 30-х гг.

TO QUESTION OF POLITICAL FIGHT IN GREAT BRITAIN IN 1930–1939 ON PROBLEMS OF FOREIGN POLICY

A.I. DUDKA¹⁾
E.A. ANTONOV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: dudka@bsu.edu.ru

The subject of this article is the influence of public opinion, leading political parties and movements of Great Britain on changes in British political priorities in 1930s.

Key words: Great Britain, parties, foreign policy.